МОСГОРСПРАВКА МОСГОРИСПОЛКОМА
Отдел газетных вырезок
Чистопрудный бул. 2 Телефон 96-69
Вырезка из газеты
БИРОБИДЖАНСКАЯ ЗВЕЗДА
от . . . 30 МАР. 41 Г.
Биробиджан Газета № 6

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛАУРЕАТОВ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

ВДОХНОВЕННАЯ ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ ПОЭТЕ

«Этот может, хватка у него моя»— так писал Маяковский о Николае Асееве, своем друге и соратнике в борьбе за новую, социалистическую поэзию. И эта могучая хватка, роднящая Асеева с талантливейшим поэтом советской эпохи, особенно ярко сказалась во вдохновенной повести в стихах «Маяковский начинается».

Эпиграфом к поэме Асеев взял известное философское положение товарища Сталина о том, что «любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений». Поэт, таким образом, поставил себе задачу дать гигантский образ Маяковского не только **на фоне** величайшей и напряженнейшей исторической эпохи, в которой он жил, боролся и творил, но в его **неразрывной связи** с этой эпохой. И эту задачу, еще не осуществленную пока и в плане литературоведческом, Асеев блестяще разрешил в плане поэтическом.

Поэма Асеева— произведение глубокое и многогранное. Предельно сжато, в образах большой силы и выразительности поэт изображает дореволюционную Россию периода 1906—1914 г.г., периода первой империалистической войны, огненные дни рождения советской республики. Столь же сжато и ярко, в обобщенных характеристиках и в конкретных лицах, изображает он литературную среду и литературную борьбу тех лет. Чудесно сочетая поэтические изображения и рассуждения, эпическое повествование с лирическими отступлениями, поэт дает глубоко ощутить атмосферу отображенных им исторических периодов. В поэме имеются более и менее сильные места, но нет в ней ни одной «холодной», равнодушной строчки, все в ней дышит страстью, все пронизано мыслью и чувством, вся она написана кровью большого поэтического сердца.

При своей кажущейся разрозненности и многоплановости, поэма Асеева цельное и целеустремленное произведение. Все в ней направлено к тому, чтобы полнее и ярче дать облик Маяковского во всей его неповторимой силе и красоте, глубине и сложности.

«Жил-де такой певец кипяченой и ярый враг воды сырой»—шутил Маяковский, представляя себе, как скажет о нем когда-нибудь какой-нибудь ученый, «кроя эрудицией вопросов рой». И была в этой шутке большая доля горечи, ибо немало было при жизни Маяковского таких «ученых», которые пытались именно так презрительно-упрощенно трактовать и творчество великого поэта и его человеческую личность. Их, этих ничтожных пигмеев с подлыми душонками, метко разил Маяковский, их пригвоздил к позорному столбу и Асеев в своей поэме. Глава «Осиное гнездо»—грозное и гневное обличение врагов народа и их «литературной шатии», которая, не будучи в силах лестью и хитростью заманить Маяковского в свои сети, подло и гнусно его преследовала, довела до трагической гибели, но не могла ни при жизни его, ни после смерти заглушить его громового голоса поэта-трибуна.

Маяковский в представлении его многомиллионного читателя — поэт-борец. Именно таким он и предстает со страниц поэмы. Вот «Маяковский издали», таким его впервые увидел Асеев:

Он шел по бульвару,
худой
и плечистый,
возникший откуда-то сразу,
извне,
высокий, как знамя,
взметенное
в чистой
июньской
несношенной голубизне.

Следуют яркие строфы, изображающие отдельные эпизоды биографии Маяковского, его первые шаги как активного участника революционного подполья, первые столкновения с чуждой его мятежному духу средой буржуазного искусства.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Маяковский воспринял как свою, родную революцию. В поэме многообразная кипучая деятельность Маяковского как агитатора, поэтического трибуна революции отражена, возможно, недостаточно. Но ведь суть не в том, чтобы излагать в стихах всем известные факты. Основное в Маяковском—его глубокая любовь к родине, его беззаветное служение делу коммунизма—Асеев показывает иным, более глубоким путем.

Известно, что пробравшиеся в те годы к руководству литературным движением враги народа стремились опорочить поэзию Маяковского как «непонятную массам», его, великого поэта революции, они зачислили в «попутчики». Это вызывало в Маяковском и великое негодование и огромную боль. Маяковскому приходилось бороться за свое место в рабочем строю, и в этой борьбе, страстной, неукротимой, как и во всем его творчестве, сказалась сила его преданности партии и народу.

Драматическая сторона поэтической судьбы Маяковского с особенной силой изображена в главе «Косой дождь». Неустроенной была и личная жизнь поэта. Но не в том, что

«никому не видна
плыла любовная лодочка»,—

причина его трагической смерти.

...пуще всего
он темнел,
взревновав
вниманию
матери-родины.

И этого внимания хотели его лишить те, для которых он был, как кость в горле.

Поэма Асеева — прекрасный памятник великому поэту революции. Она гневный обличительный акт тем, которые сократили дни его жизни.

Интерес и любовь к Маяковскому миллионных масс нашей страны с каждым годом растет, и поэма Асеева, в которой облик великого поэта изображен с исключительной полнотой и силой, по достоинству оценена читателями, партией и правительством.

Н. МАНФРИД.

Н. АСЕЕВ

ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО

Когда на троллейбусе
публика едущая
услышит надсадный
кондукторшин крик:
«Площадь Пушкина,
Маяковского — следующая!» —
поймешь,
как город к нему привык.
Как стал он вхож
в людские понятья!
Как близок строчкой,
прям и правдив;
ведь ни по приказу,
ни на канате
к себе не притянешь,
сердца обратив...
Читая,
начнешь стихи его путать, —
сейчас же
сто голосов — на подсказ!
как будто
не я,
а они как будто
встречались с ним
по тысяче раз.

Ведь это
не выдумка барда бахвальная:
вот этот асфальт
и эти огни
и площадь —
не старая Триумфальная,
и— с Пушкиным рядом
встали они!
И все повседневней,
все повсеместней
становится — миром
его родня;
сюда он шагал
с Большой своей Пресни,
с шагов своих первых,
с мальчишьего дня.
Сюда по Садовым,
по Кудринским вышкам,
по куполам твердых
булыжных мозгов,
по снежным подушкам,
по жирным одышкам —
широких шагов
направлял он разгон.

Она
Маяковского площадью названа;
но очень ее еще пышен уют,
и много народа,
самого разного,
ее заполняют, толкутся, снуют.
Еще не обрушены плоские здания,
но уже тем она хороша,
что — в'ядь пределы ее
стародавние
раздвинула новых привычек душа.
Две буквы стоят
квадратные, строчные,
как сдвоенный вензель печати ММ,
как плечи широкие
крепкие,
прочные
у входа — открытого всем, всем, всем.
Москвы в нутро
ведет метро,
один ватон, другой вагон,
а он на нем
не ездил;
не видел он стальных колонн,
подземных ламп-созвездий.

И — глянешь в пролет
обновляемых улиц:
не тень ли метнулась
широкой полы?
Не эти ли плечи
с угла повернулись,
не шляпой ли машет
он издали?
Он здесь.
Он с нами остался навечно;
ему в людской густоте —
по себе.

Он—вон он,—шагает
большой и беспечный
к своей неустроенной
славной судьбе!

Как он шагал,
как проходил,
как пробивался Москвою
шагом широким,
шагом большим,—
крупной походкой мужскою.
Ботинки номер сорок шесть!
Другим—вдвоем бы можно влезть,
и жить уютно в скинутом,
сотнув дугою спину там.

А он—не умел сгибаться дугою,
он весь отличался
повадкой другою,
шагал, развернувши
тяжелые плечи,
высокой походкою
человечьей.

И после каждого его
шага,
метелью за ним
завивалась сага.

Однажды мы выехали
с Оксаной
вдвоем из гостей
по дорожке санной...
А он рядком
зашагал пешком,
подошвы печатая
свежим снежком.
Тогда еще в моде
извозчики были
и редко работали
автомобили.
Возница на кляту
чмок да чмок,
и все же его
обогнать не смог.
И нас,
на полсажня опередя,
дорогу под носом
у нас перейдя,
он стал
и палкой нам отсалютовал,
дескать: привет!
До свиданья, покудова!

И в этом жесте
мальчишеском, гордом,
который движенье и радость таит,
хотел бы я,
чтоб стал он над городом,
как в памяти нынче
в моей он стоит.
Стоял, весельем
и силою вея,
чтоб так бы его
наблюдала толпа:
в пальтишке коротеньком
от Москвошвея,
в шапчонке, сбитой
к затылку со лба.
Вот так,
во всем и везде впереди, —
еще ты и слова не вымолвишь,
он шел, за собой увлекая ряды,
Владимир Необходимович!

(Из поэмы «Маяковский начинается»)